

Усадьба в романах Гончарова обладает особой пространственной организацией. Усадебная идиллия в Малиновке очень похожа на “географию” Обломовки и Грачей: та же объемность, простор. Это панорама целого края. Затем, постепенно сужая рамки этой огромной картины, писатель сосредотачивает свое внимание на усадьбе.

Особое место занимает человек в пространстве усадьбы. Сознание человека, живущего в усадьбе, направлено на внешний мир. Герои не осознают, что находятся вне внешнего мира, и не воспринимают мир, как отделенный от них и существующий вне них. В мире усадьбы человек не изолирован, он не выделяется, он связан существенными связями со своей родной усадьбой, своей социальной группой, своей семьей. Он чувствует себя частью целого, основные события жизни человека определяются усадебным бытом, который един, целостен, там нет противоречий. Для провинциального человека, живущего в усадьбе, этот мир идеален. Герои называют его благодатью, где “о горе, слезах, бедствиях знают по слуху, как знают о какой-нибудь заразе, которая еще не обнаружилась”. Усадьба в художественном мире Гончарова напоминала о непреходящем значении культурных ценностей.

Художественный мир усадьбы, обладая своим пространством и временем, имеет свою особую систему ценностей, свой этикет и нормы поведения. Усадьба для Гончарова - хранительница глубоких смыслов. Предметы усадьбы: беседки, павильоны, скульптуры, сад, цветник, внутреннее убранство с точки зрения Гончарова вырастают до символов, характеризуют мировоззрение человека, его общественные и духовные запросы.

Л. М. Сергеева
Елец

СПОСОБЫ СУБЪЕКТИВНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В ПРОЗЕ ГАРШИНА

Разнообразие форм выражения субъективного авторского начала в прозе Гаршина проявляется в разных типах повествования: это и повествование от третьего лица, и разные способы организации таких конструктивных элементов произведения, как собственно повествование и рассуждение. Писатель использует разные приемы

субъективного повествования. В повести “Надежда Николаевна” повествователь характеризует жанр своего произведения как записки и обосновывает свою позицию, объясняя “странную причину”, заставившую его взяться за перо: “Я не могу отделаться от своих воспоминаний, и странная мысль пришла мне в голову. Может быть, если я изложу их на бумаге, я этим покончу все свои счеты с ними...”. Повествователь выражает свои эмоции и авторские оценки посредством риторических вопросов, прямых характеристик персонажей, восклицаний: “Еще раз пережить счастье? Оно было так коротко, и конец его был так ужасен, что воспоминания о нем не доставят мне отрады, о нет!”.

Всезнающий автор в субъективном повествовании использует несколько типов обращений: обращение к предмету речи, который может быть представлен и неодушевленным предметом, и отвлеченным понятием: “Смерть, где ты? Иди, иди! Возьми меня!” (“Четыре дня”). Это и обращение к персонажу, в чем проявляется романтическая манера. В повести “Надежда Николаевна”, написанной от первого лица, внутренняя речь содержит обращение к персонажу - кузине художника Лопатина - Соне, и объект изображения обозначается вторым лицом: “О моя дорогая сестра!.. Да благословит тебя Бог, и пусть черные страницы начала твоей жизни, страницы, на которых вписано мое имя, сменятся радостной повестью счастья!”. Адресатом обращения здесь является не только человек, но и “образ французской героини” - Шарлотты Корде, занимавший художника: О Шарлотта, Шарлотта! Благословлять или проклинать тот час, когда мне пришла в голову мысль написать тебя?”.

Важная часть субъективного авторского повествования - обращения к читателю, конкретизация которого может проявляться в разных формах. В повести “Надежда Николаевна”, размышляя о предполагаемых читателях “своего писания”, повествователь считает возможным “не извиняться перед своими будущими читателями в выборе темы... ни в форме изложения”. Авторская ирония освещает отношение к некоторым читателям, когда повествователь дает определение “темы, нисколько не интересной людям, привыкшим заниматься если не мировыми, то общественными вопросами”. Субъективное авторское начало выражается и в форме отказа от повествования с объяснением причины отказа “говорить здесь о прошлом” героини: “Я решаюсь умолчать о ней. Кто знает, в чьи руки может попасть эта тетрадь?”.

Позиции повествователя свойственна еще одна особенность: обобщение как основа характеристики персонажа, идущей от

повествователя, для чего употребляются слова, включающие персонажей в определенный ряд своих подобий: “как все...”, “обыкновенно...” и т.д. Повествователь при изображении персонажа указывает на принадлежность его к определенному типу: “Она сделалась натурщицей всего только месяца два... Русские девушки, кажется, и никогда не могут к нему привыкнуть”. Эта же особенность проявляется своей обратной стороной в характеристике через исключение персонажа из ряда своих подобий: “Тот, кто не художник, не может испытать забвение всего окружающего, когда дух погружаем в образы...” (“Надежда Николаевна”).

Субъективное авторское повествование в прозе Гаршина существует в единстве с планом персонажей, и создание разных образов повествователей и разных типов текстов осуществляется в рамках субъективного авторского повествования.

А. А. Сидякина
Пермь

“НОВАЯ” ПОЭЗИЯ ПЕРМИ И ЕКАТЕРИНБУРГА В 70-Е ГОДЫ (университетский период формирования)

Без особого преувеличения можно сказать, что формирование стилевой и мировоззренческой общности поколения поэтов-“восьмидесятников” в уральских городах-мегаполисах началось в стенах университета (ПГУ и УрГУ). Именно университет как центр универсального гуманитарного образования (и, в особенности, филфак) оказался полем первичного притяжения, концентрации литературно одаренной молодежи. Университетская среда и, разумеется, общая программа обучения для многих молодых поэтов стали немаловажным фактором обретения собственной художественной индивидуальности, узнавания себя в современном и историко-культурном контексте. В условиях особенно жесткого идеологического давления (достаточно вспомнить пристрастное преподавание общественных дисциплин в годы «застоя» и бдительное внимание к факультетской жизни филологов, например, со стороны парторганизации ПГУ), университету тем не менее удалось сохранить дух элитарного демократизма и неформального межличностного общения. Годы учебы в университете совпали с началом творческого становления В. Дрожащих, В. Кальпиди, Ю. Беликова, Ю. Асланьяна, М. Крашенинниковой, В. Лаврентьева (Пермь), Ю. Казарина, И. Сахновского, А. Санникова, А. Застырца, Е.